

А.Н. Верещагин.

**Кассационный Сенат (1866–1917).
Очерки устройства и деятельности верховного суда
Российской империи**

В наше время трудно писать о реформах. После десятилетий мучительных и зачастую бесплодных экспериментов они вызывают уже не завышенные и заведомо несбыточные ожидания, как прежде, а скорее настороженность и предубежденность. Может даже показаться, что удавшихся преобразований и вовсе не бывает, а есть только недостаточно изученные...

Тем не менее судебную реформу 1864 г. в историографии традиционно признают одной из наиболее успешных. Она создала суд, конечно, далеко не идеальный, но значительно более совершенный, нежели тот, что существовал в России до середины 1860-х гг. или после 1917 г. Это был удивительно удачный опыт, но как ни странно, он сравнительно редко привлекает к себе внимание исследователей. Во многом тут сказываются объективные препятствия: историкам, как правило, не хватает юридической подготовки, а юристы обычно плохо знают исторический контекст споров вокруг той или иной нормы, да и не чувствуют преемственности правовых систем прежней империи и современной федерации.

Поэтому новая книга А.Н. Верещагина — кандидата исторических наук, защитившего диссертацию в МГУ им. М.В. Ломоносова в 1997 г., и доктора права, получившего степень в Эссекском университете Великобритании, а ныне являющегося главным редактором журнала «Закон», — представляет исключительный интерес¹. Она посвящена организации и работе одного из ключевых институтов, созданных реформой 1864 г., — кассационных департаментов Правительствующего Сената (вслед за современниками автор именует их для краткости «Кассационным Сенатом»). Проследивая историю этих подразделений, наделённых властью «верховного кассационного суда, ... один для уголовных, другой для гражданских дел» (ст. 114 Учреждения судебных установлений), автор характеризует всю систему осуществления правосудия в пореформенной России, как в её общих чертах и первоначальном замысле, так и в деталях и повседневной практике. При этом юридические нормы и институты возникают и меняются в книге не сами по себе или по некоему одному исследователю ведомой логике, но развиваются в напряжённой борьбе идей и людей, то сближавшихся, то резко расходившихся друг с другом, и под влиянием тех или иных конкретных проблем, возникавших при столкновении мысли законодателя или толкователя закона с реалиями империи. Жанр очерков позволяет автору в каждом конкретном случае выстраивать особую драматургию событий, а читателю — следовать за захватывающими интригами разногласий, колебаний и решительных поступков, выливающих в итоге в очередной нормотворче-

¹ Верещагин А.Н. Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи. М.: Издательская группа «Закон», 2022. 616 с., ил.

ский прецедент, из которых постепенно складывается пёстрая, но отнюдь не мрачная картина правового пространства царской России.

Нельзя не отметить и то, что книга написана ярким, образным, местами даже хлёстким языком, и стилистически напоминает лучшие образцы дореволюционной публицистики и мемуарной прозы, что отнюдь не снижает её научных достоинств. Напротив, она показывает, что гуманитарная наука — не мёртвое каталогизированное знание, пригодное лишь для постмодернистских игр в деконструкцию и гипертексты, а живое и необходимое для жизни осмысление опыта других людей, умевших широко мыслить и глубоко чувствовать и потому собственно и оставивших нам память и памятники высокой правовой, законодательной, административной, интеллектуальной, художественной и иной культуры. Времена Российской империи ушли давно и безвозвратно, условия не раз изменились, некогда разрушенные структуры не подлежат реставрации и не нуждаются в пародийном копировании. Но её прошлое по-прежнему будит ум примерами смелого и самобытного государственного и общественного творчества, диалогическое обращение к которым возвращает их в нашу действительность, делая её гораздо богаче и восстанавливая рвущуюся нить исторической преемственности независимо от каких бы то ни было политических форм.

Очерки Верещагина, погружающие читателя в, казалось бы, совершенно неактуальные нюансы минувшего, написаны с болью за настоящее и с заботой о будущем. Его эмоциональные выпады, по-видимому, сознательно провоцируют полемику, которая привлекла бы дополнительное внимание к работе и её проблематике. Хочется надеяться, что книга придаст новый импульс изучению судебной реформы 1864 г., созданных ею учреждений, связанных с ними людей и политической системы пореформенной России в целом.

В обсуждении труда А.Н. Верещагина приняли участие доктора исторических наук Д.А. Андреев, Е.А. Крестьянников и А.С. Минаков, а также кандидаты исторических наук Т.Ю. Борисова, И.И. Верняев и А.В. Мамонов.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

Андрей Минаков: Правовые ценности императорской России в зеркале Правительствующего Сената

*Andrey Minakov (Moscow State Pedagogical University, Russia;
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow):
The legal values of Imperial Russia in the mirror of the Governing Senate*

DOI: 10.31857/S2949124X24060196, EDN: RKZQVI

Несмотря на неоднократное изменение своих полномочий и функций, Правительствующий Сенат вплоть до крушения царской России занимал особое положение среди её высших политических институтов. Согласно Своду законов, это было «верховное место, которому в гражданском порядке суда, управления и исполнения подчинены все вообще места и установления в империи»². Неудивительно, что его устройство и деятельность не раз освещались в историографии — как в специальных монографиях, так и в обобщающих тру-

² Свод законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1832. Ст. 253. С. 65.

дах, среди которых, конечно, выделяется пятитомная «История Правительствующего Сената за двести лет», изданная в 1911 г. Вместе с тем роль Сената в формировании правосознания русского общества в пореформенный период всё ещё нуждается в изучении. И весьма важным шагом на этом пути является выход книги историка и юриста А.Н. Верещагина, посвящённой кассационной деятельности сенаторов.

Историю Сената автор делит на три периода: «начальный» (1711–1763 гг.), «средний» (1763–1864 гг.) и «зрелый» (1864–1917 гг.). Со времён Петра I самодержцы выражали желание управлять страной, уважая дарованные подданным права и действующие законы. Оптимизация судебной системы неизменно являлась одним из приоритетов правительственной политики даже в условиях стремительных перемен и в отсутствие кодифицированного законодательства и профессиональных юристов.

Хотя Верещагин видит в Сенате преемника Боярской думы (с. 7–8), упоминание о которой к 1704–1707 гг. исчезает из документов, скорее к нему перешли дела Расправной палаты и Ближней канцелярии, превратившейся в центр распорядительной, законотворческой, судебной власти при царе и затем трансформированной в делопроизводственную часть Сената. Учреждая его, Пётр I создавал не собрание советников, а постоянный орган с широкими полномочиями и строгой отчётностью, обеспечивавший текущее управление государством во время бесконечных походов и отъездов монарха³. При Александре I и Николае I подготовка кодификации неизбежно вела к переменам в судебной системе (с. 19). И если ранее включение в Полное собрание законов судебных решений объяснялось вынужденными исключениями или даже ошибками составителей⁴, то Верещагин усматривает в этом признание подобных прецедентов одним из источников права (с. 26–27).

В эпоху Великих реформ преобразование суда оказалось наиболее завершённым, несмотря на незрелость культурно-образовательной среды (с. 106–108) и недостаток юристов, остро ощущавшийся в первые пореформенные десятилетия. Сказывались и внутрикорпоративные противоречия, например, соперничество воспитанников Александровского лицея и Училища правоведения с выпускниками юридических факультетов университетов (с. 90), к концу XIX в. численно преобладавшими среди чиновников судебного ведомства над «лицеистами» и «правоведами», но не имевшими их привилегий. Между тем наполнить штаты разраставшейся судебной сети и удовлетворить постоянно увеличивавшийся спрос на адвокатов могли только университеты. По подсчётам А.Е. Иванова, в последние 20 лет существования империи именно юристы превалировали среди российских студентов. За 1896–1916 гг. их было выпущено около 34,5 тыс., тогда как лицеистов и правоведов в тот же период насчитывалось менее 2 тыс.⁵

³ История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. Т. 1. СПб., 1911. С. 56–59; *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 451–452; Реформы в России с древнейших времён до конца XX в. Т. 1. М., 2016. С. 331–334; Т. 2. М., 2016. С. 30–31.

⁴ *Майков П.М.* О Своде законов Российской империи. М., 2006. С. 7–8; *Ерошкин Н.П.* Полное собрание законов Российской империи // Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М., 1968. Ст. 280–282.

⁵ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 318–319, 323.

На страницах книги часто встречаются яркие образы министров, сенаторов, судей, прокуроров, губернаторов, присяжных поверенных, учёных. В исследовании Верещагина тонкий психологизм сочетается с масштабным социокультурным анализом сенаторского корпуса. В приложениях приводятся ценные данные о личном составе Гражданского и Уголовного кассационных департаментов. По мнению Верещагина, должность сенатора не была синекурой, а её обладатели ответственно относились к служебным обязанностям и благодаря своим профессиональным и личным качествам внесли реальный вклад в утверждение принципа верховенства права и развитие правовой культуры русского общества (с. 132). Как правило, в кассационные департаменты назначали дипломированных юристов с опытом службы в судебных учреждениях. Однако чистота сенаторских рядов нарушалась, например, назначением бывших губернаторов (с. 173, 287). Правда, ещё П.А. Зайончковский подметил, что в кассационных департаментах это случалось редко, но в других практиковалось весьма активно⁶, бросая тень на весь Сенат, который становился предметом язвительного обсуждения как в бюрократических кругах, так и в прессе.

На заре реформ герценовский «Колокол» писал: «У нас мода, как скоро губернатор или какой высший чиновник оказывается таким мошенником, что уже из рук вон плохо, его делают сенатором... Конечно, губернаторы, назначаемые в сенаторы, недовольны своим назначением, потому что сенаторское звание не так доходно, как губернаторское место; но всё же сенаторское звание не ничтожно, всё же звание почётно»⁷. А.А. Половцов 16 декабря 1891 г. сетовал в дневнике на то, что «есть приказание государя о назначении сенаторами трёх губернаторов, негодность коих сделалась очевидной при борьбе с голодом»⁸.

Конечно, каждый такой эпизод следует внимательно разбирать, однако пополнение Сената вчерашними губернаторами объяснялось не только желанием обеспечить им комфортное продолжение карьеры. В атмосфере радикализации общества со второй половины 1860-х гг. самодержавие мирилось с независимостью и несменяемостью судей, включая сенаторов (с. 182–188), но старалось увеличивать среди них долю и влияние опытных и надёжных администраторов.

К началу XX в. нормы Свода законов по-прежнему сосуществовали в России с миром обычаев и своеобразным пониманием принципов справедливости во всех слоях общества. Идеи правового регулирования с трудом проникали в народные массы, встречая там недоверие и скепсис. Складывалась ситуация, когда, по меткому выражению крупного государствоведа тех лет Э.Н. Берендтса, «уважение к закону легко делается исключительно внешним подчинением, как норме временной или прихоти начальства»⁹. К тому же возможности новой судебной системы «плохо сочетались с традиционными схемами самодержавного мышления и умонастроений»¹⁰. Несмотря на вполне «европейскую» обложку, она всегда функционировала с оглядкой на традиционные порядки, что с особой резкостью проявилось в годы Первой русской революции (с. 209–210).

⁶ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 203–204.

⁷ Колокол. 1857. 1 июля. № 1. С. 7–8.

⁸ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 2. М., 1966. С. 400.

⁹ Берендтс Э.Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и влияние её на государственный и общественный быт России. М., 2016. С. 121–122.

¹⁰ Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 456.

Верещагин полагает, что судебная реформа 1864 г. ограничила prerogatives монарха в важной области управления, а кассационная деятельность Сената свидетельствовала о росте правосознания в России и обостряла противоречия внутри самодержавного строя. Способствовала этому и адвокатская корпорация, представители которой порою воспринимали свой труд как исполнение некоей миссии (с. 105).

Автор справедливо указывает на то, что «после введения Судебных уставов не на словах, а на деле было достигнуто равенство перед законом» (с. 83). Однако парадокс социального развития заключался в том, что оно насаждалось при сохранении крайнего неравенства в других сферах жизни. И тут Россия не отличалась от других империй, которые «поощряли определённое равенство на фоне различных видов неравенства»¹¹.

Благодаря исследованию Верещагина Сенат и судейский мир станут понятнее для читателей. Их эволюция являлась своеобразным мерилom готовности политической системы к модернизации, публичности и конкурентности. Сохранив верность букве закона даже в прокрустовом ложе неограниченной монархии, сенаторы установили высокую планку политико-правовых требований к государству. Её несоответствие характеру общественных отношений, проявившееся в начале XX в., являлось красноречивым предупреждением самодержавию, которому история оставляла катастрофически мало времени для обновления.

Татьяна Борисова: Правительствующий Сенат после судебной реформы 1864 г.¹²

Tatiana Borisova (European University at Saint Petersburg, Russia; HSE University, Saint Petersburg, Russia): The Governing Senate after the judicial reform of 1864

DOI: 10.31857/S2949124X24060208, EDN: RKYFVN

В июне 1891 г., узнав о назначении А.Ф. Кони сенатором, В.П. Буренин припомнил в едкой эпиграмме, как в Древнем Риме «в Сенат коня Калигула привёл». Анатолий Фёдорович будто бы ответил на этот выпад, обыгрывая басню Ж. Лафонтена «Осёл, одетый в шкуру Льва»: «Ведь то прогресс, что нынче Кони, / Где раньше были лишь ослы»¹³. К тому времени прошло уже более шести лет, как он служил в должности обер-прокурора Уголовного кассационного департамента (УКД) Сената. Ради неё Кони оставил председательское кресло в гражданском отделении Санкт-Петербургской судебной палаты, пожертвовав правом несменяемости и рискуя увольнением за строптивый характер. Полгода спустя он с энтузиазмом делился с П.Д. Боборыкиным своими чувствами: «Дело интересное, живое и наполняет моё время всецело. Старая петровская закваска ещё живёт в Сенате и делает это учреждение одним из “государственных тел”, которое при некоторой энергии может благотворно влиять на порядочливое от-

¹¹ Кирмзе Ш.Б. Империя законности. Юридические перемены и культурное разнообразие в поздней имперской России. М., 2023. С. 26.

¹² Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00520 «За пределами “колониальности” и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX — начало XX в.)».

¹³ Смоларчук В.И. Анатолий Фёдорович Кони (1844–1927). М., 1981. С. 121.